

От Маркса до Маркоса - поиск субъекта и стратегии революции

Morozov, Ilya L.

Veröffentlichungsversion / Published Version
Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Morozov, I. L. (2017). От Маркса до Маркоса - поиск субъекта и стратегии революции. *Science Journal of Volgograd State University: History - Area Studies - International Relations*, 22(6), 8-21. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.1>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer CC BY Lizenz (Namensnennung) zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den CC-Lizenzen finden Sie hier:
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.de>

Terms of use:

This document is made available under a CC BY Licence (Attribution). For more information see:
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.1>

UDC 32.019.51

LBC 66.1(0)

Submitted: 19.04.2017

Accepted: 06.11.2017

FROM MARX TO MARCOS - SEARCH OF THE SUBJECT AND THE STRATEGY OF REVOLUTION

Ilya L. Morozov

Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the evolution of theories of social revolution from the mid-nineteenth to the late twentieth centuries. The author analyzes the basic concepts of theorists and practitioners of the armed revolutionary struggle – from the founder of the classical Communist theory of Karl Marx to the Mexican guerrilla leader Subcomandante Marcos. The author focuses on the analysis of changes in the understanding of the subject (“driving forces”) of the left political revolution, as well as the strategy of armed revolutionary struggle.

The author comes to the conclusion about the historical evolution of the subject of the revolutionary struggle from major sustainable macro-groups (“classes”), targeted at the armed struggle, to self-born (by the network principle) unstructured protest groups, situational leaders, mild forms of the revolutionary struggle, which minimize the armed violence, though do not eliminate it completely. The author substantiates the conclusion about the absence in the modern protest movement of social forces, able to become the subject of revolution socialist orientation. This increases the danger of dominance of the social protest of extremist nationalist and religious political spectra.

The author offers two models of response to this threat: the growing influence of the reigning centre-right conservative parties of Russia; return to center-left positions of the social democratic movement of the countries of the European Union.

Key words: revolution, proletariat, anti-globalism, terrorism, Zapatistas, transnational corporations.

Citation. Morozov I.L. From Marx to Marcos - Search of the Subject and the Strategy of Revolution. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 6, pp. 8-21. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.1>

УДК 32.019.51

ББК 66.1(0)

Дата поступления статьи: 19.04.2017

Дата принятия статьи: 06.11.2017

ОТ МАРКСА ДО МАРКОСА – ПОИСК СУБЪЕКТА И СТРАТЕГИИ РЕВОЛЮЦИИ

Илья Леонидович Морозов

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается эволюция теорий социальной революции с середины XIX – до конца XX века. Автор анализирует основные концепции теоретиков и практиков вооруженной революционной борьбы – от основоположника классической коммунистической теории Карла Маркса до лидера мексиканских партизан Субкоманданте Маркоса. В центре внимания автора статьи – анализ изменений в понимании субъекта («движущих сил») революции левой политической направленности, а также стратегии вооруженной революционной борьбы.

Автор приходит к выводу об исторической эволюции субъекта революционной борьбы от крупных устойчивых макросоциальных групп («классов»), нацеленных на вооруженную борьбу, к самозарождающимся по сетевому принципу неструктурированным группам протеста, ситуативным лидерам, смягченным формам революционной борьбы, при которых функции вооруженного насилия сведены к минимуму, хотя и не исключены полностью. Обосновывается вывод об отсутствии в современном протестном движении социальных сил, способных стать субъектом революции социалистической направленности. Это повышает опасность прихода во главу социального протеста экстремистов националистического и религиозного политического спектров.

Автор предлагает две модели реакции на данную угрозу: рост влияния правоцентристских державно-консервативных партий для России; возвращение на левоцентристские позиции социал-демократических партий для стран Европейского союза.

Ключевые слова: революция, пролетариат, антиглобализм, терроризм, сапатисты, транснациональные корпорации.

Цитирование. Морозов И. Л. От Маркса до Маркоса – поиск субъекта и стратегии революции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 6. – С. 8–21. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.6.1>

Революция как политический феномен нацелена на коренное качественное преобразование политической системы путем насильственного ниспровержения существующего политического режима с последующей радикальной перестройкой общественных и экономических отношений. Политически мотивированное насилие со стороны революционеров может иметь вооруженные (преимущественно), невооруженные и комбинированные формы. Политический итог XX в. оказался неутешительным для сторонников революционного эксперимента марксистско-ленинской вариации, реализованного в России в 1917 г.: падение социалистических политических режимов в Восточной Европе, ослабление и эволюция к социал-демократии коммунистических партий Западной Европы, либеральные экономические реформы в КНР, распад Советского Союза. Однако революция как сплав политических доктрин и практик, как метод трансформации политических режимов, по-прежнему находится в центре внимания. Поиск нового субъекта революции в новых социально-политических и духовно-культурных условиях является одной из ключевых целей интеллектуальных лидеров оппозиционных движений.

Особенность современного политического процесса – стремительная утрата левыми

силами «монополии на революционность». Революцию как потенциальный метод прихода к власти рассматривают политические течения популистской, религиозно-радикалистской, квазифашистской ориентированности, представляющие собой антитезу глобализации, светского либерализма, вестернизации и демократии. Грань между революцией и контрреволюцией, ведущей к деградации, архаизации социальных, политических и экономических институтов, стирается. Примером является так называемая «арабская весна» – процесс вооруженной трансформации политических режимов авторитарного типа, возглавленный религиозными радикалами и отбросивший ряд государств Ближнего Востока и Северной Африки во времена родоплеменной и конфессиональной разобщенности (Ливия, Сирия, Йемен).

В тех случаях, когда псевдореволюционные процессы начинались под демократическими лозунгами (Украина), управление протестным движением у либеральных кругов перехватывалось радикалами национал-популистского типа, которые, в свою очередь, были вынуждены уступить рычаги управления страной новому олигархату, представляющему интересы владельцев крупной собственности и околкриминального бизнеса. Как следствие

подобных революций образуется неоавторитарный (ряд политологов используют термин «неопатримониальный») политический режим [20, с. 139–141], отличительной чертой которого является опора на силовое принуждение, тотальная коррумпированность всех ветвей власти и деградация социальных институтов [18, с. 111].

Марксистская и ленинская теория социальной революции достаточно глубоко изучена советскими обществоведами и зарубежными политологами, поэтому уместно кратко перечислить наиболее важные (в рамках предмета данной статьи) из ее ключевых элементов. В поиске субъекта революционного движения Маркс идет по пути сегментирования социума на противостоящие между собой по экономическому принципу макросоциальные группы – «классы». Индикатором сегментирования является отношение к частной собственности на средства производства (буржуазия и пролетариат) [14, с. 24], а сам факт сегментирования обрекает классы на объективное противостояние между собой по вопросу политической власти, поскольку именно через власть в конечном итоге решается вопрос экономической собственности.

К XIX в. буржуазия, сыгравшая ранее прогрессивную роль ниспровергателя феодальных отношений, трансформировалась в регрессивный класс, антагонистом которого является пролетариат, переместившийся на роль субъекта грядущей коммунистической революции: «...только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны» [14, с. 36]. Выделяя субъект революции, классики марксизма провозглашают насильственную стратегию революционной борьбы как единственный ведущий к победе путь: «...цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией» [14, с. 61]. Как отмечает профессор А.А. Вилков, уже в XIX в. стало

очевидным, что «некоторые прогнозы Маркса не подтверждались реальной жизнью (например, нарастающее относительное и абсолютное обнищание рабочего класса, нарастающая пролетаризация масс)» [2, с. 92]. Однако это не остановило сторонников курса на социальную революцию, среди которых интеллектуальное лидерство остается за В.И. Лениным [8, с. 49].

В отличие от К. Маркса, В.И. Ленин много внимания уделил практическим аспектам в общей теории революции. Вводится понятие революционной ситуации, которая при совпадении объективных и субъективных составляющих ее факторов способна перейти в фазу свершающейся революции:

- политический кризис как неспособность правящего класса эффективно осуществлять функции государственного управления;
- экономический кризис, ведущий к быстрому катастрофическому падению уровня жизни социума;
- повышение уровня протестной активности социума;
- наличие организованных в политическую партию профессиональных революционеров, способных возглавить и координировать политические протесты;
- готовность восставших бескомпромиссно сражаться с господствующим классом, даже ценой своей жизни [10; 11].

Технология взятия власти виделась В.И. Ленину как вооруженное восстание пролетариата в крупных городах, что и удалось реализовать в октябре 1917 года. Однако далее у международного революционного движения начались проблемы как практического, так и теоретического плана – возник вопрос о субъекте революции и стратегии его действий.

Впрочем, современные ученые ставят под вопрос субъектность рабочего класса даже в событиях российской социалистической революции: «Российские рабочие к 1917 г. не сформировались в класс и не обладали пролетарским социалистическим мировоззрением. Они приняли самое активное участие в революционном движении... по причине фрустрированности, относительной депривации, неблагоприятной демографической структуры, податливости пропаганде и ма-

нипуляции, а не в силу своей революционности, организованности и сознательности» [16, с. 31]. Проблему субъектности революционного движения ставили даже представители советской обществоведческой школы в 60–70-х гг. XX в. [3; 9].

В течение 20–30-х гг. XX в. обозначилась неспособность рабочего марксистского революционного движения в западных странах с развитыми демократическими компонентами политической культуры (Франция, Великобритания, США) взять власть с помощью революционного восстания в городах. В тех странах, где демократические традиции были слабы, а коммунистическое движение обладало определенными боевыми возможностями, все равно возобладали не марксистская, а фашистская и национал-социалистическая альтернатива классической капиталистической модели (Германия, Италия). Однако в полной мере кризис субъектности и стратегии революционного коммунистического движения Запада будет осознан только во второй половине XX в., когда начнется интеллектуальный поиск нового авангарда революции и новых форм революционной борьбы.

На Востоке классическая ленинская формула революции «пролетариат + революционный авангард в виде политической партии профессиональных революционеров + вооруженное восстание в крупных городах» не могла быть реализована изначально ввиду малочисленности и децентрализации рабочего класса, культурно-религиозной специфики, квазифеодальных традиций, своеобразия внутренней и внешнеполитической обстановки. Коммунисты стран Востока осознали вопрос субъектности и стратегии революции и попробовали найти на него ответы, наибольшую известность из которых получил маоизм.

Доктрина Мао Цзэдуна начала формироваться под впечатлением боевых действий, развернувшихся с конца 20-х гг. XX в. в Китае, когда относительно слабые в тот период коммунисты с помощью партизанской войны стали постепенно добиваться некоторых побед в борьбе с войсками Гоминьдана и с японскими оккупантами. Впоследствии, не без помощи покончившего с войсками милитаристской Японии СССР, китайские коммунисты сумели добиться полной победы в граждан-

ской войне с Гоминьданом, завершившейся в 1949 г. провозглашением Китайской Народной Республики, взявшей курс на социалистическое строительство.

Военные успехи китайских коммунистов произвели впечатление на левых радикалов западных стран, а теоретические труды Мао Цзэдуна стали объектом глубокого изучения сторонников вооруженной борьбы. Военизированный, агрессивный, популистский маоизм в среде левых радикалов всего мира с середины XX в. становится более востребованным, чем ортодоксальная и с годами все более осторожная идеологическая линия Москвы.

Причудливо сочетая классику марксизма и местные особенности, маоизм выдвинул несколько новых тезисов революционной теории. Лидер китайских коммунистов объявил войну высшей формой борьбы [22, с. 307], в этом расхождении с теорией марксизма и ленинской практикой не было. Однако основная ставка в формировании боевой силы революции Мао Цзэдуном делается на крестьянство, приобретающего статус основного революционного субъекта. Зоной основных боевых действий, в которых решается судьба революции, соответственно становится сельская местность, где создаются «партизанские районы», противостоящие цитаделям власти – городам.

Согласно теории Мао Цзэдуна, если в ходе боевых действий коммунистам удастся вытеснить войска противника с определенной территории, пресечь его влияние на местное население, провести мобилизацию среди крестьянских масс, то следует приступить к перестройке временных партизанских районов в постоянные опорные базы революции [23, с. 160–161]. Если подобное не удастся, то, не растрачивая силы в неравной борьбе за удержание территорий, коммунисты перестраивают свои военные силы в мобильные партизанские отряды и уходят на другую территорию, где силы противника не столь велики. Сельские опорные базы играют важнейшую роль в расширении революционной войны, способствуют повышению численности и военной мощи партизанских отрядов.

При всей важности партизанских отрядов, решающую роль в революционной гражданской войне китайский лидер все же отводил регулярной армии, в которую боевые силы

коммунистов должны переродиться на следующем этапе. Пока это невозможно, партизанским отрядам приходится оказывать не только оперативную и тактическую поддержку освобожденным районам, но брать на себя и стратегические задачи. Например, при необходимости партизанские войска могут вести наступательные военные операции, расширяя территорию «революционного района».

Многое из партизанского опыта китайских коммунистов позднее получило творческое развитие в войне вьетнамского народа против иностранных интервентов в 60-х – начале 70-х гг. XX века. Командующий вооруженными силами Северного Вьетнама генерал Во Нгуен Зиап заявил о новой форме ведения революционной борьбы, которую назвал «народной» и по эффективности воздействия на противника сопоставимой с мощностью ядерного оружия [5, с. 30]. Новые факторы, выделенные В.Н. Зиапом во вьетнамской модели вооруженной борьбы, можно свести к следующему [5; 6]:

- превосходство над противником в морально-политической сфере;
- эффективное руководство вооруженными отрядами;
- национальная сплоченность вьетнамцев перед лицом агрессора;
- интернациональная поддержка, оказанная вьетнамскому народу со стороны других стран.

Именно эти факторы позволили компенсировать превосходство противника в области вооружения, техники, экономических ресурсов. Вьетнамская война закончилась победой коммунистов и объединением страны в 1975 году. Ранее, в 1959 г., в другой точке планеты повстанцы сумели свергнуть диктатуру Фульхенсио Батисты на Кубе, также используя стратегию изначально партизанских действий в сельской местности и также с широкой опорой на крестьянство, что тоже добавило популярности этой форме ведения боевых действий.

Леворадикалы Азии, Африки и Латинской Америки середины XX в. твердо уверились в возможности достижения успехов с помощью крестьянских партизанских войск, которые не только ослабляли правящие режимы, но и приводили к их полному коллапсу,

несмотря на помощь со стороны западных капиталистических государств. Апофеозом эволюции данной ветви революционных теорий и практик стала концепция кубинского революционера аргентинского происхождения Эрнесто Че Гевары.

Основываясь на опыте успешной кубинской герильи 50-х гг. XX в., Че Гевара выдвинул три основополагающих тезиса, впоследствии толкнувших на губительное восстание не один десяток мелких политических левацких группировок по всему миру:

1) регулярную армию, представляющую силы правящего антинародного режима, народные силы вполне могут победить собственными силами, без помощи извне;

2) не следует терять время в пассивном ожидании исторического вызревания всех классических ленинских «объективных и субъективных условий революции», чем быстрее и решительнее в стране сформируется и приступит к практической борьбе повстанческий центр сопротивления, тем быстрее наступит революционная ситуация;

3) в слаборазвитых странах в революционной борьбе упор следует делать на развертывание сопротивления в первую очередь в сельской местности, с главной кадровой опорой на местное крестьянство [4, с. 260].

Особо подчеркнем, что в основной работе Че Гевары («Партизанская война») речь идет о стратегии, родившейся из реалий Латинской Америки и рассчитанной на страны этого региона середины XX в., хотя даже в пределах «родного» континента она работала с постоянными сбоями. Попытки придать геваризму характер мирового универсализма, привнесенные позже его адептами, не могли не закончиться плачевно. Сам Че Гевара указывал, что его революционная концепция предназначена исключительно для борьбы с открытыми авторитарными режимами-диктатурами, а в тех случаях, когда правящая элита лавирует между авторитаризмом и демократией, полагается на манипулятивные технологии прихода к власти, а не на военный переворот, революционерам также необходимо использовать невоенные средства борьбы за власть [4, с. 261].

Кубинская герилья наложила отпечаток на мышление Че Гевары, что отразилось в

формулировке им стратегии партизанской войны:

– задачи партизан на первом этапе состоят в том, чтобы не дать себя уничтожить, для чего необходимо постоянно передвигаться, маневрировать, скрываться на пересеченной местности, избегая оседания пусть даже и в удобном для жилья месте;

– когда становится ясно, что уничтожить партизанские отряды правительственная армия не может, а их силы окрепли, партизаны переходят к следующему этапу, занимая укрепленный район в удобной для обороны с географической точки зрения местности (подразумеваются горы), создавая собственно постоянно действующий «очаг» сопротивления;

– на следующем этапе партизанской войны противник предпримет прямые атаки на зону контроля партизан с целью уничтожения «очага», для победы в этой борьбе должно потребоваться все воинское искусство партизан и поддержка местного населения;

– когда прямые атаки на горные области, контролируемые партизанами, захлебнутся, необходимо будет сосредоточиться на выявлении и уничтожении отдельных воинских формирований противника, передвигающихся в районе «очага», пытающихся проводить там свои локальные операции;

– неуязвимость партизан и потери в рядах правительственных войск подорвут волю к сопротивлению и веру в победу, как результат воинские подразделения начнут все реже и реже, крайне неохотно вторгаться в контролируемые партизанами зоны, уступая инициативу повстанцам; на следующем этапе партизаны начинают сами спускаться на равнины, перерезая коммуникации противника, атакуя его отдельные воинские части и укрепленные районы, расширяя число своих сторонников и зону военных действий, на этом этапе собственно партизанская война и заканчивается – почувствовавшие свою силу спустившиеся с гор партизанские отряды объединяются в регулярную армию, которая продолжает войну в ее классической форме [4, с. 268].

Кубинское крестьянство в понимании Че Гевары воспринималось как весьма удобный союзник боевых отрядов – источник кадрового пополнения, материального обеспече-

ния (на ранних стадиях войны), информации. Крестьяне, как слабо разбирающаяся в политике социальная сила, были более внушаемы и подчиняемы, в то время как с антиправительственной оппозицией, сосредоточенной в городском подполье, взаимодействовать было труднее.

Однако уже в 60-е гг. XX в. политические элиты научились успешно блокировать процессы развития партизанской войны в периферийных странах капиталистической системы с последующей социально-политической изоляцией революционеров-фанатиков и их физическим уничтожением в ходе боевых операций, примером чему служит трагическая судьба самого Че Гевары. Закономерным итогом эволюции рассмотренных революционных доктрин, характерных для стран третьего мира, стал вывод о необходимости переноса боевых действий из сельской местности в города, к которому пришел бразильский коммунист Карлос Маригела [24, S. 40–84].

В отличие от классической ленинской стратегии, К. Маригела делал ставку на террористические акции в исполнении немногочисленных законспирированных групп фанатично настроенных боевиков – таким получился новый двигатель «революционного процесса». Какой-либо диалог или компромисс с представителями власти не допускался, наиболее способные и яркие государственные деятели должны были стать первоочередной мишенью для боевиков, дабы максимально ослабить и дезорганизовать систему.

Город К. Маригела рассматривал как средоточие, сердце капиталистической системы, по которому и надо нанести первый удар. Затем, когда боевики-террористы своими акциями дестабилизируют обстановку, продемонстрируют уязвимость государственной системы и тем мобилизуют ее потенциальных противников, можно будет приступить к формированию крупных революционных отрядов, переходящих к стратегии маневренной войны. Однако на практике латиноамериканское революционное движение во второй четверти XX в. выродилось либо в городские террористические группировки («Тупамарос»), либо в сельские партизанские отряды, загнанные в глухие отдаленные провинции («Революционные силы Колумбии»). Оба варианта

были исторически бесперспективны и вели к поражению.

Тем временем западноевропейские радикальные левые искали как собственный вариант субъекта революции, как и стратегию революционного процесса. Социальная политика послевоенной Европы постепенно выключала из протестной активности рабочий класс, а впоследствии качественно трансформировала его под воздействием смещения фокуса экономической системы со сферы массового материального производства к сфере услуг, зачастую носящих индивидуальный и нематериальный характер. Подобный сдвиг в структуре рабочей силы и характере производственных процессов как нельзя лучше пришелся в резонанс с набиравшим популярность консьюмеризмом (высокие стандарты бытового потребления как стиль жизни, материальный успех как смысл существования человека), приобретающим характер жизненной философии масс.

Понятна тревога, охватившая социальных теоретиков левой ориентации. Герберт Маркузе выразил их общее опасение: «...наиболее эффективной и устойчивой формой войны против освобождения является насаждение материальных и интеллектуальных потребностей, закрепляющих устаревшие формы борьбы за существование» [15, с. 267]. Предложенная «обществом потребления» незатейливая жизненная позиция стандартизировала, усредняла человеческое бытие. Стремление к материальному успеху как гарантии личностного социального триумфа похищало время жизни индивида, находящегося в непрестанном поиске дополнительного заработка, а время отдыха стало заполняться примитивными формами проведения досуга, мало связанными с духовным ростом – человек становился «одномерным».

Г. Маркузе и близкие к нему теоретики способствовали становлению «новой левой» политической теории и практики, призванной вдохнуть жизнь в классическую революционность, перенося субъект революции на молодежь (прежде всего – студенческую) как именно на тот социальный слой, который еще не успел подвергнуться системной «одномеризации». Вместо массового вооруженного восстания подразумевался протест, направ-

ленный не на захват политической власти, а на личностное освобождение от гнета «системы», достигаемое через разрушение социальных табу, вот том числе и на некоторые виды сексуального поведения. Предел возможностей новой концепции показал 1968 г. – пик студенческих беспорядков, охвативших Западную Европу.

К началу 70-х гг. XX в. обозначилась бесперспективность ставки «новых левых» интеллектуалов на бунтующую молодежь – студенческие политические протесты повсеместно угасали. Произошла утеря очередного несостоявшегося субъекта революции и провал стратегии интернационального молодежного университетского бунта. Идеологи «новых левых» ожидали, что результатом 1968 г. станет массовое создание образцовых самоуправляющихся студенческих общин-коммун как ячеек нового общества, но с бесилием наблюдали, как на фоне затухающего студенческого протеста зарождаются небольшие агрессивные террористические ячейки ультралевого толка. Как на смену кабинетному теоретику Г. Маркузе приходили вожаки восставших университетских кварталов Руди Дучке и Даниэль Кон-Бендит, так на смену последним пришли лидеры ультралевацкого террористического подполья – Ульрика Майнхоф, Андреас Баадер, Фриц Тойфель, Гудрун Энслин, Михаэль Бауман и другие.

Недостатка в интеллектуалах (вчерашних выпускниках университетов, талантливых публицистах, юристах с практическим опытом и т. д.) у левых террористов первой волны не было [12], потому на конспиративных квартирах «Фракции Красной Армии», «Революционных ячеек» и им подобных левотеррористических организаций начинается самостоятельный поиск субъекта и стратегии революции. Субъектность со студенческой молодежи теперь сместилась на маргиналов в широком смысле: безработные, гастарбайтеры, пациенты психиатрических клиник, уголовники – все они воспринимались как жертвы «системы», следовательно, как потенциальные революционеры. Стратегия революционной борьбы виделась в террористической деятельности – теракты должны были вызвать карательный ответ со стороны «системы», заставить псевдodemократическое государство отбросить лицемерную игру в соци-

альную заботу и обнажить свою тоталитарную, «фашистскую» сущность. А это, в свою очередь, уже должно было запустить процессы массового сопротивления диктатуре.

В плане тактики действий большие надежды левых террористов возлагались на рассмотренный выше опыт партизанской войны Мао Цзедуня, Во Нгуена Зиапа, Эрнесто Че Гевары. Но западноевропейские леворадикалы не учли, что социально-политический расклад сил, состав населения, национальный менталитет Востока и Запада весьма различаются и универсальный рецепт не сработал. Если в депрессивном Южном Вьетнаме или на Кубе были все объективные предпосылки для падения утратившего массовую поддержку политического режима проамериканских диктаторов, то социально-экономическая и политическая обстановка в Западной Европе второй половины XX в. не порождала подобной надежды.

Финал леворадикалов был закономерен – не найдя широкой социальной опоры, их террористические группировки хотя и отметились громкими локальными акциями, неизбежно сошли с политической сцены. Кризис и крах Советского Союза к началу 90-х гг. XX в. внес свою весомую лепту в общее падение популярности левого революционного проекта. Однако последний продемонстрировал еще одну попытку возрождения.

1 января 1994 г. в одном из беднейших и самых удаленных от столицы районов Мексики малоизвестная на тот период партизанская левацкая группировка «Сапатистская армия национального освобождения» (САНО) при поддержке местных индейских общин атаковала и на некоторое время взяла под контроль несколько небольших населенных пунктов. В адрес ведущих мировых новостных агентств лидерами САНО было отправлено сообщение о начале всеобщей мексиканской революции в интересах беднейших слоев населения, положение которых могло еще ухудшиться в связи с активным вхождением Мексики в глобальный экономический процесс.

Боевые успехи мексиканских революционеров на этом закончились – всеобщего восстания не произошло и армейские подразделения в течение нескольких дней вытеснили партизан-сапатистов из занятых ими муниципальных центров обратно в горы. На этом,

казалось, можно было бы констатировать поражение очередной классической для стран третьего мира промарксистской герильи, делавшей ставку на беднейшее крестьянство как революционный субъект и партизанские действия в сельской местности. Однако дальнейшие события приняли неожиданный оборот.

Лидеры САНО отказались от проведения боевых операций, объявили о желании вести диалог с правительством, но, самое важное, из потерпевшего поражение локального индейского мятежа сумели быстро создать образ авангарда грядущего всемирного сопротивления. По версии сапатистов, их революция была направлена против неолиберальной модели мира, порождаемой процессами глобализации, проводниками и единственными выгодоприобретателями которой являлись транснациональные корпорации под покровительством США. Провалившееся восстание в мексиканском штате Чьяпас трактовалось как запуск мировой герильи, но весьма своеобразного рода. Вместо реальной «революционной» борьбы, ведущейся взявшими в руки оружие крестьянами-мятежниками или городским террористическим подпольем, САНО успешно создает и рекламирует ее симулякр:

- бескровный, но овеванный романтикой бывшего восстания, которое как бы продолжилось в бесконечность;

- переводящий локальный внутримексиканский конфликт, в основе которого находилась борьба за права индейских общин всего одного штата, на общемировой уровень сопротивления несправедливой «неолиберальной системе»;

- создающий, благодаря интерактивным информационным технологиям, чувство сопричастности «делу революции» для любого желающего, в любой точке земного шара.

Так возник новый политический феномен – сапатизм, ставший популярным брендом международного движения антиглобалистов. В условиях, казалось бы, полного поражения левого проекта, сапатистам удалось адаптировать марксизм к особенностям нового исторического периода:

- главным противником объявлялся глобализирующийся неолиберальный капитализм;

- главным субъектом революции становилось «все человечество»;

– главной формой революционной борьбы становилась активность в информационной среде;

– главным революционным лидером становился новый типаж революционера, воплотившийся в образе Субкоманданте Маркоса: обезличенный (появлялся исключительно с сокрытым маской лицом), но узнаваемый (стиль одежды, манера поведения), остроумный и бесстрашный, вооруженный, но не агрессивный, генерирующий не власть, а идеи, не стремящийся к безусловному лидерству над революционным движением, но стремящийся сделать его автономным, самоподдерживающимся и саморазвивающимся, «сетевым».

Вопрос субъекта революции Маркос решает оригинальным способом, рассматривая в качестве такового всех, кто хоть как-то отличается от утвердившегося социального стандарта. Обращаясь с политическим воззванием к кругу своих желаемых сторонников, Маркос перечисляет следующих «адресатов»: «Брат и сестра! Индеец, рабочий, крестьянин, учитель, студент, поселенец, домохозяйка, водитель, рыбак, таксист, грузчик, чиновник, служащий, уличный торговец, нищий, безработный, работник средств массовой информации, профессионал, служитель культа, гомосексуалист, лесбиянка, транссексуал, артист, интеллектуал, участник, активист, моряк, солдат, спортсмен, законодатель, мужчина, женщина, ребенок, юноша, старик» [13, с. 350]. Позднее было заявлено о намерении пригласить присоединиться к сапатистскому движению инопланетян и сделать его «межгалактическим» [25].

Как идеологическая концепция, сапатизм предстал системой открытой, нацеленной на концептуальное взаимообогащение протестными идеями, причудливо сочетающей классику марксистской политекономии с мистикой древних индейских мифов и «расщепленным» типом мировосприятия виртуальности бытия в условиях множественности истин, характерным для постмодерна. Качествен, гарантирующим успех любой новой идеологии в стремительно меняющихся культурных, экономических, политических и демографических контурах глобального мира, является открытость, способность к

перерождению, отрицанию старых констант. Именно по такому пути развивался сапатизм, что и обеспечило совершенно несоразмерную мировую славу и известность маргинальному и малочисленному движению национального протеста индейцев Чьяпаса.

Но тренды XXI в. оказались неподвластны даже сапатистам. Нацеленный на максимальную адаптацию к особенностям современности, сапатизм все же не успевал за стремительно меняющимся миром. Глобальная система распадалась на очаги «управляемого» и неуправляемого социально-политического хаоса, обострялось этнорелигиозное противостояние, нарастали потоком беженцев из коллапсирующих регионов планеты, повсеместно активизировался религиозный терроризм, против новой тактики которого (применение смертников, переориентировавших свои атаки с представителей власти на массы простых граждан) оказалась бессильна система безопасности всех государств.

Субкоманданте Маркос со своими интеллектуальными текстами, обличающими глобальный неолиберализм и призывающими к созданию ненасильственных «узлов сопротивления», утратил популярность на фоне других протестных проектов различной направленности, от религиозного экстремизма, национализма, до множества сторонников возрождения тоталитарных репрессивных режимов как «защиты» от новых глобальных вызовов и угроз. Но бесспорный вклад Маркоса в практику сопротивления состоял как минимум в двух аспектах.

Во-первых, впервые в полной мере были продемонстрированы потенциальные возможности Интернета как инструмента не только пропаганды, но гиперболизации конкретного политического события, придания локальному случаю образа глобальной закономерности. Согласно теории А.С. Панкратова и Н.А. Тельновой, данный феномен можно объяснить тем, что: «Современное человечество живет все больше не в “пространстве мест”, а в “пространстве потоков”, мир сжимается, становясь интегративным, контакты между народами и нациями крепнут, растет взаимопонимание и взаимовлияние» [19, с. 76].

Во-вторых, Маркос указал на сетевой принцип построения протестных движений как наиболее перспективный в условиях современ-

ной концентрации всех видов ресурсов (в том числе и репрессивных) в руках господствующей элиты. Именно по сетевому принципу строилось движение антиглобалистов последнего десятилетия XX – первого десятилетия XXI века. Как отмечал американский футуролог Дж. Нейсбит: «...Сети – это люди, которые общаются друг с другом, делятся идеями, информацией и ресурсами... Важна не сеть, то есть готовый продукт, но процесс попадания в нее – общение, создающее связи между людьми и группами людей» [17, с. 275].

Однако сетевые социальные структуры протестного политического сопротивления при всех своих преимуществах (отсутствие централизации, что позволяет повысить устойчивость и автономность всех элементов системы, облегченный доступ для новых участников, дешевизна функционирования, оперативность, идеологическая терпимость) имеют ряд уязвимостей. Профессор А.В. Бузгалин выделял слабости организационной структуры антиглобалистов: «...движение оказывается неустойчивым, аморфным, легко размываемым и гаснущим, лишенным иммунитета против различных “вирусов” (разногласий, провокаций и т. п.)» [1, с. 79]. По этим и по ряду других причин движение антиглобалистов к началу второго десятилетия XXI в. если и не исчезло, то заметно сократило активность, а сам Субкоманданте Маркос объективно оценил сложившуюся обстановку и официально объявил, что его (Маркоса) больше не существует.

***

Подводя итоги исследования, можно отметить закономерность (см. таблицу):

– субъект революции, четко обозначенный в классическом марксизме (рабочий класс) середины XIX в. и ставший основной движущей силой Октябрьской революции 1917 г. в России, на протяжении XX в. теряет свою очевидность, классовые контуры размываются, вынуждая сторонников радикальных действий находиться в постоянном интеллектуальном поиске и эксперименте;

– стратегия революционной борьбы также эволюционирует от массового вооруженного восстания рабочих, через затяжную крестьянскую партизанскую войну, к все более точеч-

ным боевым акциям городских террористов и закономерно заканчивается выводами Субкоманданте Маркоса о первичности невооруженных методов сопротивления, реализуемых крайне разнородным по своему составу революционным субъектом, от жестокой кровавой практики революционной войны сдвиг происходит в сторону «революционного карнавала», игры в революцию, захватывающую, романтическую, относительно безопасную и бескровную, но и неэффективную, как показала новейшая история сапатистского движения и леворадикального спектра антиглобализма в целом.

В современных реалиях, идет ли речь о мегатрендах глобального развития или непосредственно о России, будет сохраняться актуальность запроса на методы смягчения противоречия между «трудом и капиталом», между богатыми и бедными. В этой связи Левая идея в своем умеренном варианте (близком к социал-демократическому пониманию) не утратила свое значение: требование восстановления социальной справедливости, понимаемой как относительно равномерное распределение в социуме произведенных благ, развитой системы социального обеспечения, защиты интересов нетрудоспособных.

Гораздо сложнее судьба леворадикальных проектов, видящих выход из указанных выше противоречий насильственным, «революционным» путем. Ключевая проблема левых радикалов – утрата субъекта революции, при которой управление нарастающей активностью протестных слоев населения успешно перехватывается религиозными экстремистами, националистами.

Гражданские войны в Сирии и в Ливии, а так же «цветные революции» на постсоветском пространстве показывают, что даже в случае успеха вооруженной борьбы (платой за которую неизбежно выступает общее катастрофическое падение уровня жизни и деградация государственности) протестная активность социума не способна привести к глубокой трансформации политической и экономической систем. Максимум, чего удавалось добиться, – модификация политического режима, выражающаяся, как правило, в персональной смене правящего лидера и некотором перераспределении материальных и статусных ресурсов внутри элит.

Эволюция понимания субъекта и стратегии революции в леворадикальных моделях середины XIX – конца XX века

Теоретическая модель	Субъект революции	Стратегия революции	Условия революции
«Марксизм-ленинизм» середина XIX – начало XX в.	Рабочий класс	Массовое вооруженное восстание в крупных городах	Обязательное сочетание объективных и субъективных факторов революции: кризис государственного управления, экономический кризис и падение уровня жизни народных масс, готовность народных масс активно сражаться за свои права, наличие «авангарда» революционной борьбы в виде партии профессиональных революционеров
«Маоизм» первая половина XX в.	Крестьянство	Длительная партизанская война в сельской местности, направленная на истощение сил правящего режима, выжидание (особенно в ситуации, когда противники сражаются между собой, как в случае Гоминьдана и японских милитаристов)	Наличие объективных и субъективных факторов, однако фактор ослабления государственного управления и постепенное убывание военно-репрессивных ресурсов правящего режима приобретает приоритетное значение
«Геваризм» 50–60-е гг. XX в.	Крестьянство	Создание в сельской местности отрядом профессиональных революционеров «очага сопротивления» с опорой на местное крестьянство, который, подобно маяку, будет притягивать и концентрировать всех недовольных диктатурой, а также ускорит рост сопротивления в городах. Крестьянские партизанские отряды эволюционируют в регулярную армию и вступают во взаимодействие с вооруженными протестными силами в городах	Ключевым является субъективный фактор – наличие некоторого количества готовых к вооруженной борьбе революционеров, которые своими действиями ускоряют формирование объективных факторов
«Городской терроризм» 60–80-е гг. XX в.	Городская молодежь из разных социальных слоев, вынужденно или по убеждению оказавшаяся «вне системы»	Террористические акции в городах, в основном направленные на уничтожение или запугивание представителей власти	В условиях слабости революционной активности в западноевропейском социуме террористы должны сыграть роль триггера (запускающего фактора), активизирующего репрессивные действия со стороны правящей элиты, что обнажит диктаторскую сущность политического режима и приведет к формированию революционной ситуации
«Сапатизм» 90-е гг. XX в. – «нулевые» годы XXI в.	Все недовольные «системой неолиберализма» во всемирном масштабе	Стратегия развития революции понимается как глобальное явление, вырастающее из очагов сопротивления, взаимодействующих между собой по сетевому принципу. Преобладают акции гражданского неповиновения, мирный протест	Трактовка революционной ситуации как в рациональном (экономическое неравенство, неоколониальное господство, информационное порабощение сознания и т.д.), так и в иррациональном (боги благосклонны к трудолюбивым честным людям и помогут им, апелляция к древним мифам и преданиям разных народов, обосновывающим социальную справедливость) измерении

Движение социального протеста на Украине, развернувшееся в 2013–2014 гг. под лозунгами демократизации, «европеизации», борьбы с коррупцией и олигархическими привилегиями, перешло в фазу вооруженного противостояния и добилось падения политического режима В.Ф. Януковича. Однако в итоге оно привело к тому, что один олигархический клан был заменен на другой, а радикалы, выдвигавшиеся в ходе народной активности, становятся для государственной элиты персонами нон грата, выполнившими свою функцию и подлежащими утилизации, зачастую в самом прямом смысле слова. Показательна судьба ликвидированного силовыми структурами украинского боевика А.И. Музычко (Сашко Билый), пытавшегося предстать народным защитником и прославившегося на этой почве демонстративными оскорблениями и угрозами в адрес украинских чиновников [21].

В социуме современных государств постепенно накапливается протестный потенциал, связанный как с экономической неустойчивостью, так и статусной неудовлетворенностью граждан, но задействовать его именно как субъект левой социальной революции не представляется возможным. Однако угроза его перехода под контроль экстремистов националистической или религиозной окраски нарастает. Наиболее реалистичны две модели реакции на данную угрозу: либо рост влияния правоцентристских, державно-консервативных партий (вероятный сценарий для России), либо возвращение на левоцентристские позиции ранее обозначившего дрейф вправо [7, с. 196] социал-демократического движения (вероятный сценарий для стран Европейского союза).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузгалин, А. В. Альтерглобализм как феномен современного мира / А. В. Бузгалин // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 2. – С. 71–85.
2. Вилков, А. А. Основные тенденции эволюции социал-демократии на Западе и в России / А. А. Вилков // Известия Саратовского университета. – 2009. – Т. 9, № 4. – С. 92–97.
3. Водозадов, Г. Г. Диалектика и революция / Г. Г. Водозадов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 230 с.
4. Гевара, (Че) Э. Эпизоды революционной войны / Э. (Че) Гевара. – М. : АСТ, 2005. – 571 с.
5. Зиап, В. Н. Основной опыт нашей партии по руководству вооруженной революционной борьбой / В. Н. Зиап. – Ханой : Вьетнам, 1962. – 40 с.
6. Зиап, В. Н. Мы опять победим / В. Н. Зиап. – Ханой : Вьетнам, 1965. – 44 с.
7. Кагарлицкий, Б. Ю. Политология революции / Б. Ю. Кагарлицкий. – М. : Алгоритм, 2007. – 576 с.
8. Кагарлицкий, Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б. Ю. Кагарлицкий. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2005. – 480 с.
9. Крапивенский, С. Э. Великий Октябрь и мировой революционный процесс / С. Э. Крапивенский. – Волгоград : Областная организация общества «Знание», 1967. – 30 с.
10. Ленин, В. И. Крах II Интернационала / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 26 / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1973. – С. 209–265.
11. Ленин, В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 33 / В. И. Ленин. – М. : Изд-во полит. лит., 1974. – С. 4–120.
12. Майнхоф, У. От протеста – к сопротивлению : Из литературного наследия городской партизанки / У. Майнхоф. – М. : Гилея, 2004. – 192 с.
13. Маркос. Четвертая мировая война : (сборник работ субкоманданте Маркоса) / Маркос. – Екатеринбург : Ультра.Культура, 2005. – 695 с.
14. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1976. – 63 с.
15. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М. : АСТ, 2002. – 526 с.
16. Миронов, Б. Н. Рабочие в революции 1917 г.: субъект истории или пушечное мясо? / Б. Н. Миронов // Социс. – 2017. – № 2. – С. 24–35.
17. Нейсбит, Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит. – М. : АСТ : Ермак, 2003. – 380 с.
18. Нисневич, Ю. А. Современный авторитаризм и коррупция / Ю. А. Нисневич // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – № 1. – С. 108–120.
19. Панкратов, С. А. Специфика гражданской идентичности в условиях политической модернизации России / С. А. Панкратов, Н. А. Тельнова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2011. – Т. 11, № 4. – С. 75–79.
20. Розов, Н. С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации / Н. С. Розов // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 139–156.
21. Сашу Белого объявили жертвой «политического убийства». – Электрон. дан. – Режим дос-

тупа: <http://Lenta.ru> (дата обращения: 17.03.2017). – Загл. с экрана.

22. Цзедун, М. Стратегические вопросы революционной войны в Китае / М. Цзедун // Избранные произведения. Т. 1 / М. Цзедун. – М. : Политиздат, 1952. – С. 307–411.

23. Цзедун, М. Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков / М. Цзедун // Избранные произведения. Т. 2 / М. Цзедун. – М. : Политиздат, 1953. – С. 132–185.

24. Marighela, C. Handbuch des Stadtguerillero / C. Marighela // Alves, Detrez, Marighela. Zerschlagt die Wohlstandinseln der Dritten Welt. – Reinbek bei Hamburg : ROWOHLT Verlag, 1971. – S. 40–84.

25. Sexta Declaraciyn de la Selva Lacandona // E-Z-L-N : Este sitio web publica contenido relacionado con la Sexta Declaración de la Selva acandona del Ejército Zapatista de Liberación Nacional. – Electronic data. – Nov 13, 2005. – Mode of access: <http://www.ezln.org.mx/index.html> (date of access: 17.03.2017). – Title from screen.

REFERENCES

1. Buzgalin A.V. Alterglobalizm kak fenomen sovremennogo mira [Alter-Globalization as a Phenomenon of the Modern World]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2003, no. 2, pp. 71–85.

2. Vilkov A.A. Osnovnye tendentsii evolyutsii sotsial-demokratii na Zapade i v Rossii [The Main Trends of Social Democracy Evolution in the West and in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 2009, vol. 9, no. 4, pp. 92–97.

3. Vodolazov G.G. *Dialektika i revolyutsiya* [Dialectics and Revolution]. Moscow, MGU Publ., 1975. 230 p.

4. Gevara (Che) E. *Epizody revolyutsionnoy voyny* [Episodes of the Revolutionary War]. Moscow, AST Publ., 2005. 571 p.

5. Ziap V.N. *Osnovnoy opyt nashey partii po rukovodstvu vooruzhennoy revolyutsionnoy borboi* [The Basic Experience of Our Party in the Leadership of an Armed Revolutionary Struggle]. Khanoy, Vyetnam Publ., 1962. 40 p.

6. Ziap V.N. *My opyat pobedim* [We Will Win Again]. Khanoy, Vyetnam Publ., 1965. 44 p.

7. Kagarlitskiy B.Yu. *Politologiya revolyutsii* [Political Science of Revolution]. Moscow, Algoritm Publ., 2007. 576 p.

8. Kagarlitskiy B.Yu. *Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: Not Recommended for Learning]. Moscow, Algoritm Publ.; Eksmo Publ., 2005. 480 p.

9. Krapivenskiy S.E. *Velikiy Oktyabr i mirovaya revolyutsionnyy protsess* [The Great October

Revolution and the World Revolutionary Process]. Volgograd, Znanie Publ., 1967. 30 p.

10. Lenin V.I. Krakh II Internatsionala [The Collapse of II International]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 26* [Complete Collection of Works. Vol. 26]. Moscow, Politizdat Publ., 1973, pp. 209–265.

11. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya: Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyutsii [The State and Revolution: the Marxist Theory of the State and the Proletariat's Tasks in the Revolution]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 33* [Complete Collection of Works. Vol. 33]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, pp. 4–120.

12. Maynkhoof U. *Ot protesta - k soprotivleniyu. Iz literaturnogo naslediya gorodskoy partizanki* [From Protest to Resistance. From the Literary Heritage of the Urban Militant]. Moscow, Gileya Publ., 2004. 192 p.

13. Markos. *Chetvertaya mirovaya voyna (sbornik rabot subkomandante Markosa)* [The Fourth World War (Collection of Works by Subcomandante Marcos)]. Ekaterinburg, Ultra.Kultura Publ., 2005. 695 p.

14. Marks K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoy partii* [The Communist Manifesto]. Moscow, Politizdat Publ., 1976. 63 p.

15. Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyy chelovek* [Eros and Civilization. One-Dimensional Man]. Moscow, AST Publ., 2002. 526 p.

16. Mironov B.N. Rabochie v revolyutsii 1917 g.: subyekt istorii ili pushechnoe myaso? [Workers in the Revolution of 1917: the Subject of the Story or Cannon Fodder?]. *Sotsis. Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 2, pp. 24–35.

17. Neysbit Dzh. *Megatrendy* [Megatrends]. Moscow, AST Publ.; Ermak Publ., 2003. 380 p.

18. Nisnevich Yu.A. Sovremennyy avtoritarizm i korruptsiya [Modern Authoritarianism and Corruption]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, no. 1, pp. 108–120.

19. Pankratov S.A., Telnova N.A. Spetsifika grazhdanskoy identichnosti v usloviyakh politicheskoy modernizatsii Rossii [Specifics of National Identity in the Conditions of Political Modernization of Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2011, vol. 11, no. 4, pp. 75–79.

20. Rozov N.S. Neopatrimonialnye rezhimy: raznoobrazie, dinamika i perspektivy demokratizatsii [Neopatrimonial regimes: diversity, dynamics and prospects of democratization]. *Polis. Political Studies*, 2016, no. 1, pp. 139–156.

21. *Sashu Belogo obyavili zhertvoy «politicheskogo ubiystva»* [Sasha Bely Was Declared a Victim of “Political Assassination”]. URL: <http://Lenta.ru> (accessed April 17, 2017).

22. Tszedun M. Strategicheskie voprosy revolyutsionnoy voyny v Kitae [Strategic Issues of the Revolutionary War in China]. *Izbrannye proizvedeniya. T. 1* [Selected Works. Vol. 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1952, pp. 307-411.

23. Tszedun M. Voprosy strategii partizanskoy voyny protiv yaponskikh zakhvatchikov [The Strategy of Guerrilla Warfare against the Japanese Invaders]. *Izbrannye proizvedeniya. T. 2* [Selected Works. Vol. 2]. Moscow, Politizdat Publ., 1953, pp. 132-185.

24. Marighela C. *Handbuch des Stadtguerillero*. Alves, Detrez, Marighela. Zerschlagt die Wohlstandinseln der Dritten Welt. Reinbek bei Hamburg, ROWOHLT Verlag, 1971, pp. 40-84.

25. *Sexta Declaraciyn de la Selva Lacandona. November 13, 2005*. E-Z-L-N. Este sitio web publica contenido relacionado con la Sexta Declaraciyn de la Selva acandona del Ejército Zapatista de Liberaciyn Nacional. URL: <http://www.ezln.org.mx/index.html>. (accessed March 17, 2017).

Information about the Author

Илья Л. Морозов, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor of Department of Public Administration and Political Science, Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St., 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, politkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8241-5880>

Информация об авторе

Илья Леонидович Морозов, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, politkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8241-5880>